

М. Н. ГАВРИЛОВ

ПРАВОСЛАВИЕ
И
ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКИЙ
СОБОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В БЕЛЬГИИ:
«ЖИЗНЬ С БОГОМ»
32, Avenue de Gaulle,
Bruxelles.

В ГЕРМАНИИ:
«ВАРЯГ»
Christkönigshaus,
Leutesdorf am Rhein.

1954

Печатается с разрешения церковных властей.

ПРАВОСЛАВИЕ

И

ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

В 1448 г. Русская Церковь, под прямым давлением светской власти, в лице вел. кн. Московского, Василия II, признала себя автокефальной, т. е. „самоглавной”, независимой от какого бы то ни было над ней стоящего сверхнационального авторитета и, в частности, от Константинопольского Патриарха.

А за 9 лет перед этим, в 1439 г., на Ферраро-Флорентийском Соборе, было торжественно провозглашено соединение восточной и западной Церквей под общим управлением и главенством Святейшего Отца, Вселенского Архиепископа, Папы Римского.

В выпущенном в июле 1952 г. Апостольском Послании ко всем народам России нынешний Вселенский Первосвященитель, Папа Пий XII, ясно утверждает, что до 1448 года, во всяком случае, никакого официального разрыва между Русской Церковью и Св. Римским Престолом не было, формального разделения между ними, стало быть, не существовало.

Вследствие этого, для восточных христиан, не приемлющих общения со Св. Апостольским Престолом, как Богом установленным центром вселенского христианства, в особенности же для русских, болеющих вопросом о разделении, Ферраро-Флорентийский Собор становится в центре внимания и приобретает особо важное значение.

Как и почему собрался этот собор? Были ли изучены и исследованы на нем все действительно существовавшие различия в вере, являвшиеся поводом к разделению „греков” и „латинян”? Как и отчего произошло самое соглашение: потому ли, что одни, т. е. „латиняне”, заставили замолчать своих упрямых восточных братьев и сумели навязать им свою, для них чуждую, „латинскую веру”, — или потому, что, после всестороннего исследования, выясни-

лось, что никаких „различий“, по существу, нет и не было, а есть лишь различные формы выражения одних и тех же одинаково православных истин?

В наше время относительно Ферраро-Флорентийского Собора существуют различные исторические толкования, причем некоторые из наиболее ревностных противников «католичества» и «папизма» совершенно не допускают беспристрастного, объективного отношения к делу. Для них давно все ясно. Они уверены, что формальное разделение между «православием» и «католичеством» существует уже с одиннадцатого века, что на Ферраро-Флорентийском соборе греки «предали» Православие под влиянием насилий и угроз, что киевский митрополит Исидор поехал на собор по собственному желанию, действуя лично от себя и не имея никаких полномочий от Русской Церкви. Поэтому, думают они, на Флорентийский Собор ссылаться нельзя. Эти люди считают свои объяснения совершенно безошибочными и объективными. Дело дошло будто даже до того, что недавно некоторые из представителей высшего русского православного духовенства требовали, под угрозой церковного отлучения, чтобы русские православные, одобрявшие толкование вопроса в изложении папского «Апостольского Послания к народам России», заявили о своем безоговорочном принятии «православной» точки зрения. Под «православной» же точкой зрения понимается, само собою разумеется, та, которую проповедают грозящие отлучением иерархи.

В виду всего этого, в высшей степени важно выяснить, как же дело происходило в действительности. Столь важное, если не решающее событие, как Ферраро-Флорентийский Собор, нельзя истолковывать, как каждому хочется, следуя своим привычкам и настроениям, хотя бы и впитанным с детства. Как сможем мы найти путь к примирению, если не станем исследовать — и, при этом, без всякого гнева и раздражения — в чем же, собственно, состоит конфликт между Востоком и Западом, и были ли для него серьезные основания? Действительно ли дело шло о защите веры?

Для того, чтобы прийти к соединению, нужна помощь Божия, а для того, чтобы получить эту помощь, нужно возгревать жажду единения. Дар единения — есть дар Божий, но Господь никогда не пошлет нам этого дара, если мы не заслужим его своим стремлением познать истину и послужить ей одной, независимо от того, в какой среде мы находимся, состоим ли мы в объединении с Римом, или нет.

Вопрос о том, как отнеслась Русь к Флорентийскому Собору, уже был рассмотрен в журнале «Россия и Вселенская Церковь» (см. № 2, стр. 24-38; № 3, стр. 19-23 за 1953 г.). В настоящей статье мы сочли нужным дать краткие исторические сведения о том, как и почему был созван этот собор, о происходившем на нем обмене мнений, о состоявшемся соглашении об объединении Востока и Запада в единой Вселенской Церкви под управлением и властью Папы Римского, и, наконец, о том, почему и в какой мере это объединение потерпело неудачу.

Надо иметь в виду, прежде всего, то, что психологическая атмосфера и Запада и, в особенности, Востока была крайне неблагоприятна для христианского воссоединения. И „греки” и „латиняне” не любили друг друга и плохо друг друга понимали. С другой стороны, уже с конца XIV в. Папа в значительной мере утратил значение и авторитет Вселенского Отца государей и народов, которыми он пользовался в средние века: в половине XV в. папам уже было очень трудно призвать государей к общему делу, например, к крестовому походу для защиты христианства.

Что касается латинян, постоянно проживавших в Греческой Империи — речь идет о венецианцах и о генуэзцах — с которыми греки имели постоянные сношения и дела, то они ничего кроме ненависти в греках не возбуждали, так как все их стремления были направлены к тому, чтобы использовать упадок Империи в своих торговых целях и тем ускорить ее гибель.*

Турецкая угроза особенно страшно нависла над Византией с конца XIV в. Еще раньше император Михаил Пале-

*) См. *Histoire de l'Empire Byzantin* par Charles Diehl, Paris, 1934. P. p. 206 — 209.

олог просил помощи у Западной Европы. Папа Бонифаций IX, в бреве (кратком послании) от 1-го апреля 1398 года, проповедовал крестовый поход против турецкой опасности. Однако, помехой к получению помощи с Запада являлось неизменно враждебное отношение со стороны греков к Западной, Католической Церкви и к ее учению. Но с XV в. положение Империи и ее столицы, Константинополя, стало столь серьезным и опасным, что греческие правители начали серьезно думать о необходимости церковного единения с Западом, чтобы таким образом получить нужную им военную помощь для отражения турок. Итак, главной целью было не церковное единение во Христе, а защита отечества от внешнего врага. Уже это одно ставило под вопрос возможность истинного христианского воссоединения. Впрочем, среди представителей высшего византийского духовенства были также и люди, думавшие прежде всего о Церкви и ее единстве. Таков был знаменитый ученый никейский митрополит Виссарион, таков был и константинопольский патриарх Иосиф II; что касается императора Иоанна VII Палеолога, то он, конечно, очень желал добиться воссоединения („Унии“), но исключительно в целях политических, т. е. в целях получения военной помощи против турок.

Для осуществления церковного воссоединения необходимо было созвать Вселенский Собор для подробного и свободного обсуждения на нем всех спорных вопросов, касавшихся церковного управления и дисциплины, богослужения и, наконец, главное, вероучения. Папа Евгений IV (1431—1447) отнесся очень благосклонно к идее созыва такого собора, и было решено созвать собор в Италии, в Ферраре, 1-го января 1438 г.

Уже в июле 1437 г. папские корабли прибыли в Константинополь за греками, привезя одновременно и солдат и денежную помощь для борьбы с турками. Греки отплыли 24 ноября того же 1437 г.: император Иоанн VII Палеолог, восьмидесятилетний старец-патриарх Иосиф II и многочисленная свита, состоявшая из представителей высшего духовенства и вельмож; среди них были упомянутый уже выше Виссарион, горячий сторонник соединения, его не менее

горячий и почти фанатический противник, ефесский архиепископ Марк Евгеник, Дионисий сардский, Дорофей митиленский и др.; среди монашествующего духовенства было много игуменов из Константинополя и Афона; среди светских лиц выделялись такие знаменитые ученые, как, например, Схоларий; патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский прислали своих представителей — епископов; и всего, по словам историков Собора, приехало семьсот человек с греческого Востока. Все они высадились в Венеции 8 февраля 1438 г. после трудного и долгого морского пути.

4 марта император Иоанн VII Палеолог совершил свой торжественный въезд в Феррару.

Заседания Собора происходили в соборе св. Георгия. Было решено подвергнуть обсуждению лишь четыре наиболее существенных вопроса. Спорными, разделявшими в то время „греков” и „латинян”, считались вопросы:

- 1) об исхождении Св. Духа (*Филиокве*);
- 2) об употреблении пресного или квасного хлеба в таинстве Св. Евхаристии (об „*опресноках*”);
- 3) о первенстве Папы Римского;
- 4) о чистилище.

Император хотел, чтобы начали с менее важных вопросов, и, по выбору греков, первым подвергнутым обсуждению вопросом был вопрос о чистилище. Вопрос обсуждался в течение двух месяцев, после чего греки признали, что „латинское” учение о загробной судьбе умерших людей ничем не отличается от „православного”.

Греки согласились, что их вера принимает и среднее состояние за гробом для душ, ушедших из мира примиренными с Богом, но не успевших принести достаточных плодов покаяния. Эти души облегчаются и, наконец, освобождаются от временных загробных мучений по молитвам Церкви и добрыми делами и подвигами, совершенными и совершаемыми живыми ради любви к ним. Наконец, души грешников, умерших непримиренными с Богом, в состоянии смертного греха, сразу же после смерти обрекаются на вечные мучения.

Это учение, исследованное и утвержденное Ферраро-Флорентийским Собором, содержится и в современном, отделенном от Рима, Православии. Именно, в «Житиях Святых», изданных Московской Синодальной Типографией (см. книгу VII за март месяц, 1906 г. «Житие св. Василия Нового», 26 марта, стр. 543), читаем: *«Когда душа какого-либо человека разлучится с телом и станет отходить к Создателю своему в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее. Если же в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где, по поущению Божию, и мучают ее, пока душа та не восприимет искупления от мук их по молитвам Церкви и через милостыню, творимую в память ее ближними ее. Если какая-либо душа окажется столь грешна и мерзостна пред Богом, что у нее не будет никакой надежды на спасение, и будет ее ожидать вечная погибель, то такую душу бесы тотчас же свергнут в бездну,—в которой уготовано место вечных мучений и для них самих,—и в этой бездне держат ее до второго пришествия Господня, после коего она должна мучиться вечно в геене огненной вместе с телом»*.*

Итак, по православному учению, после смерти нас ожидает либо вечное блаженство (рай), либо вечные муки (ад), либо временная темница, в которой мы все же восприимем искупление от грехов по молитвам Церкви и ради добрых дел, творимых в нашу память ближними нашими. Эта временная темница у западных христиан носит название чистилища.

18 августа 1438 г. в Феррару прибыли и представители Русской Церкви: киевский митрополит, грек Исидор**, и с

*) Правда, вопрос о чистилище принял форму окончательного вероопределения уже после разрешения вопроса о Филиокве вместе с его догматическим обоснованием. (См. Martin Jugie. Le Schisme Byzantin. Стр. 266).

**) По другим сведениям, Исидор был, по происхождению, не грек, а

ним — епископ суздальский Авраамий, сопутствуемый суздальским же священником Симеоном, составившим позже повесть о Флорентийском Соборе; архимандрит неизвестного монастыря Вассиан, а из светских лиц, кроме собственных бояр митрополита, — княжеский посол Фома, видимо, тверской боярин. Митрополит повез с собою также огромное количество товаров, или, как говорили тогда, «рухляди», которую он, по мере надобности, собирался превращать в деньги, как это делали тогда все наши путешественники, отправлявшиеся в Европу. Поэтому у Исихора был огромный обоз — из двухсот коней.

Затем Собор приступил к обсуждению вопроса о *Филиокве*. Этот вопрос заключал в себе, собственно говоря, два вопроса: 1) допустимо ли вставлять пояснительные слова в Символ веры? 2) заключает ли в себе ересь самое учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, или же это учение православно и содержится также и в Церковном Предании? «Латиняне» хотели начать обсуждение со второго вопроса, так как считали, что если самое учение о *Филиокве* православно, то вопрос о законности самой прибавки об этом в Символе теряет какое бы то ни было серьезное значение. Но греки, руководимые Марком Ефесским, отказывались обсуждать вопрос по существу, т. е. о том, православно ли учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына; они настаивали на том, чтобы прежде было установлено — допустимо ли, чтобы в Символ веры вносились какие бы то ни было пояснительные слова и дополнения, хотя бы и вполне православного содержания, хотя бы и законной церковной властью, будь то и Вселенский Собор. Основанием для недопустимости какой бы то ни было пояснительной вставки в Символ веры являлось, по мнению Марка Ефесского и согласных с ним греков, знаменитое седьмое правило третьего Вселенского Собора 431 г. В этом

огречившийся болгарин. Он обладал блестящими талантами, отличным образованием и был, как выражается наша летопись, «многим языком сказатель и книжник». (См. «История Русской Церкви» Е. Голубинского. Период 2-ой Московский. Т. II. Первая Половина Тома. Москва. 1900. Стр. 421 — 423).

седьмом правиле сказано так: *«Св. Собор определил — не позволять никому произносить, писать или слагать иную веру, кроме определенной свв. отцами, сошедшимися в Никее (т. е. на первом, Никейском Вселенском Соборе в 325 г.). Кто дерзнет составить новую веру, то таковые, если они епископы или клирики, да будут отлучены епископ от епископства, клирики от клира, а миряне да подвергнутся анафеме»* (См. «Деяния Всел. Соб.» Казань 1887 г. т. I, стр. 302).

Этот аргумент, на который опирались греки на Флорентийском Соборе, и теперь продолжает служить опорой для тех православных, которые во что бы то ни стало хотят найти различие в вере между „католичеством” и „православием” (См., например, «Очерки христианского вероучения» о. прот. Николая Сахарова. Париж, 1921 г., стр. 33).

На самом деле, однако, ссылка на седьмое правило Ефесского Собора не может иметь в данном случае никакого значения. Во-первых, III Вселенский Собор запрещает составлять новую веру, т. е. вводить в Символ противоречащие православию еретические учения, а вовсе не запрещает вставлять пояснительные дополнительные слова и выражения. Во-вторых, самое запрещение может касаться лишь отдельных лиц и единичных епархий, но, конечно, не может относиться к высшей учительной власти Церкви. Наконец, Собор имел в виду лишь Символ Никейский, а вовсе не тот Символ, которым пользуются теперь православные, т. е. так называемый Символ Никео-Цареградский, заключающий в себе пояснительные прибавки Константинопольского Собора 381 г. Известный православный историк Церкви, проф. А. П. Лебедев пишет так: *«Символ Константинопольский не был читан на Соборе. Мнение, ... что Символ Никейский с прибавками Константинопольского Вселенского Собора утвержден от Собора Ефесского — неверно. Неверно, ... что в правиле 7-ом III Вселенского Собора разумеется Символ Никео-Цареградский»* (См. «Вселенские Соборы IV и V века» А. П. Лебедева. Сергиев Посад, 1896 г., стр. 176, прим. 116, а также стр. 285-322).

Таким образом, если поверить, что 7-ое правило III Вселенского Ефесского Собора раз навсегда запретило какие бы то ни было пояснительные прибавки и дополнения к Символу веры, то придется признать, что современное Православие полностью нарушает это правило Вселенского Собора, так как принятый на православном Востоке Символ веры содержит в себе множество пояснительных прибавок и дополнений, которых совсем не было в Никейском Символе, к каковому III Вселенский Собор и относил свое знаменитое 7-ое правило.

Как бы то ни было, обсуждению именно этого вопроса, т. е. вопроса о допустимости самой прибавки *Филиокве* к Символу, независимо от православия или неправославия ее содержания, заняло целых тридцать заседаний Собора, при чем греки стояли на своем, считая прибавку незаконной. Полная безрезультатность всех этих совещаний и обсуждений привела к тому, что греки стали серьезно говорить о возвращении в Константинополь. Марк Ефесский другого и не желал. Но в дело вмешался император и, несмотря на сопротивление Марка Ефесского, заставил епископов перенести обсуждение в чисто богословскую область, а именно, вместо вопроса о допустимости самой вставки, исследовать вопрос о том, православно ли, или нет, самое учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына.

10-го января 1439 г., на шестнадцатом заседании Собора, было решено, по предложению папы и с согласия императора, перенести его из Феррары во Флоренцию. Главной причиной этого решения явилась свирепствовавшая в это время в Ферраре эпидемия чумы, унесшая уже многих из участвовавших в работах Собора, в особенности среди русских.

Семнадцатое заседание Собора открылось 26-го февраля в папском дворце во Флоренции. Прения об исхождении Св. Духа безрезультатно продолжались до двадцать третьего заседания включительно. Греки не соглашались признать православие учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, во-первых, и главным образом, потому, что полагали, что, по учению «латинян», Св. Дух отдельно исходит от

двух начал — от Отца и Сына, и что Сын является, таким образом, как бы самостоятельной отдельной причиной исхождения Св. Духа. Конечно, в таком виде учение о *Филиокве* было бы ересью против учения о Св. Троице. Вторых, греки считали, что никто из восточных отцов Церкви учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына не признавал.

Однако, на двадцать третьем заседании им было разъяснено, что «латиняне» точно так же, как и греки, анафематствуют учение о двух началах исхождения Св. Духа. По учению „латинян”, как и по учению греков, Бог Отец есть единственная причина и рождения Сына и исхождения Св. Духа. Но так как Сын Божий единосущен Отцу, то Он совместно с Отцом, как одно Начало, единым Дыханием является и причиной исхождения Св. Духа. Было указано и на то, что учение об исхождении Св. Духа содержится и у восточных отцов Церкви, которые только выражаются иначе, говоря, что Дух Святой исходит от Отца через Сына. Марк Ефесский отвергал эти тексты, голословно утверждая, что они — подложны. По этому поводу митрополит никейский Виссарион ответил ему однажды: «Как дерзать утверждать, что целые беседы, толкования на Евангелия, целые богословские учения (по вопросу исхождения и от Сына) были искажены? Если мы все это смоем в наших книгах, то что нам останется, кроме белого пергамента?»

После 23-го заседания большинство греческих епископов стало склоняться к тому, что западное учение о *Филиокве* вполне православно. Марк Ефесский перестал присутствовать на заседаниях. В Страстной Понедельник 30-го марта греки собрались у патриарха (он все время болел), чтобы обсудить дальнейший образ действий. Митрополиты Исидор и Виссарион стояли за соединение; но митрополит Досифей возразил: «Лучше умереть, чем облатиниться!» На это Исидор ответил: «Мы тоже не хотим облатиниться, но мы говорим: так как не только св. отцы Запада, но также и восточные одинаково присвояют Сыну исхождение Св. Духа, то справедливо, следуя за нашими

святыми, соединиться с Римской Церковью». Однако собрание не пришло ни к какому решению.

Несмотря на это, сторонников соединения становилось все больше и больше. Главными проповедниками соединения были Виссарион, Исидор и Георгий Схоларий. В среду 3-го июня патриарх ясно заявил, что он является сторонником соединения и что он верует в истинность и православность выражения *Филиокве*. 9-го июня он скоропостижно скончался, оставив после себя собственноручное заявление, в котором он признавал веру и учение св. Католической и Апостольской Римской Церкви и заканчивал: «Я признаю также блаженного Отца Отцов, Всевеликого Архиепископа и Наместника Господа нашего Иисуса Христа, Папу Ветхого Рима, учрежденного для того, чтобы удостоверить истинную веру всех»...

После этого довольно легко было достигнуто соглашение об опресноках, при чем было признано, что таинство Причащения одинаково действительно и свято, независимо от того, совершается ли оно на квасном или на пресном хлебе.

Затем был обсужден и решен вопрос о главенстве Римского Папы во Вселенской Церкви; после чего, 5-го июля 1439 г., постановление о соединении было подписано латинянами в церкви *Санта Мариа Новелла*. Его подписали папа, 115 кардиналов, архиепископов, епископов, глав латинских орденов и аббатов; греки, в числе 33, из которых было 18 епископов, подписали его у императора; среди них — и представители Русской Церкви — митрополит Исидор и епископ Авраамий. Архиепископ Ефесский, Марк, отказался дать свою подпись. Несколько греков, среди которых был один епископ (Исаия Ставропольский), убежали из Флоренции до конца Собора. 6-го июля, в флорентийском кафедральном соборе, после обедни, которую служил сам папа, в присутствии всех латинских и греческих членов Собора, было прочитано постановление о соединении на латинском языке кардиналом Чезарини, и на греческом — митрополитом никейским Виссарионом, после чего оба иерарха облобызались, символизируя осуществившееся

соединение. Затем все греки, во главе с императором, и все латиняне преклоняли колена пред папой, целуя ему руку. 26-го августа греки выехали в Венецию, откуда, 11-го октября, отплыли к себе на родину.

Приведем некоторые, наиболее важные части состоявшегося определения.

«...Во имя Св. Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, и с одобрения священного Вселенского Собора Флорентийского, Мы постановляем, что сия истина веры должна быть верованием всех христиан и принята всеми ими и что всем подобает исповедывать ее так: а именно, что Св. Дух есть предвечно от Отца и Сына, что Он имеет Свое бытие и свое существование от Отца и вместе от Сына и что он исходит (Eκproeuetai) вечно от обоих, как от одного начала (Arches) и единым выдыханием (Poboles). Вместе с тем Мы объявляем, что то, что свв. учителя и отцы говорят, а именно, что Св. Дух исходит от Отца через (dia) Сына, приводит к тому же смыслу. Так что этим выражением обозначено, что Сын, согласно грекам,—причина (Aitia), а, согласно латинянам,—начало (Arche) бытия Св. Духа, как и Отец. И так как все, что имеет Отец, кроме отцовства, Он дал Своему Единородному Сыну при рождении, то это выражение, что Св. Дух исходит и от Сына, означает, что Сын имеет его извечно через (para) Отца, коим Он предвечно рожден».

«Еще Мы определяем, что объяснительное слово *Филлоксве* было добавлено в Символ законно и мудро, дабы истина была выяснена, и по причине тогдашней необходимости...»

«Определяем, что Святейший Апостольский Престол и Римский Архиерей обладают во всем мире первенством и что сам названный Архиерей есть преемник св. апостола Петра, князя апостолов, истинный Наместник Христа, равно как и глава всей Церкви, Отец и Учитель всех христиан; что он в лице блаженного Петра от Самого Господа нашего Иисуса Христа получил полноту власти папства, руководства и управления во Вселенской Церкви...»

«Дано во Флоренции... 1439 г. июля 9...» Следуют подписи.

Строго говоря, греки приняли участие именно в таком Соборе, которого хотели: они могли совершенно свободно излагать свои мнения, обсуждать мнения латинян и спорить против них. Правда, император отчасти их ограничивал: он запретил касаться некоторых второстепенных вопросов, он запретил систематические обструкции со стороны Марка Ефесского. Но, именно, пример этого последнего показывает отсутствие какого бы то ни было насилия над членами Собора — каждый был свободен и мог, по желанию, подписываться или не подписываться под соборным постановлением.

Беда была в том, что церковный интерес стоял на последнем плане: греки подписывали Унию ради той военной помощи, которую они надеялись получить. Кроме того, расовая вражда между греками и латинянами была слишком сильна, чтобы можно было рассчитывать, что массы греческого народа согласятся присоединиться на деле к состоявшемуся соглашению. Так и случилось: и до сих пор христианский Восток, в подавляющем большинстве, продолжает пребывать вне церковного общения с Апостольским Престолом.

Однако, можно сказать, что постановления Ферраро-Флорентийского Собора продолжают оставаться в силе, и в значительной мере признаются также и на христианском Востоке, несмотря на внешнее разделение со Святейшим Престолом. Мы уже говорили об этом там, где коснулись вопроса о чистилище. В № 6 за 1952 г. «Русского Католического Вестника» (стр. 23-27) мы ясно показали, ссылаясь на бесспорные документы, что по разъяснению авторитетных представителей и православных печатных органов, хотя «формулировка учения об исхождении Св. Духа различна на Востоке и на Западе, однако, ... по существу, то и другое учение тождественны». Таким образом, и в вопросе о *Филиокве* флорентийское постановление следует считать принятым.

Что касается вопроса о пресном и квасном хлебе, то трудно себе представить, чтобы в наши дни мог возникнуть серьезный спор по этому поводу.

Остается вопрос о примате Римского Папы. Здесь надо иметь в виду, что отделенные от Рима православные начинают понимать необходимость и богоустановленность возглавления всей Вселенской Церкви на земле одним первоиерархом. Напр., митрополит Владимир в Послании ко всем православным, пребывающим в Западной Европе, ясно говорит о том, что в Церкви Христовой «Сам Бог положил одному из высших иерархов быть первенствующим... Вселенская Церковь возглавляется не только Вселенскими Соборами, которые собираются лишь в исключительных случаях, но постоянным возглавлением высшего иерарха...» (см. «Церковный Вестник Западно-Европейского Русского Экзархата», № 21, за октябрь-ноябрь 1949-го г., стр. 2, 16). Там же было сказано, что этим высшим иерархом всегда был Римский Папа до своего впадения в «католическую ересь». Но эта «католическая ересь» заключается, очевидно, как раз в тех самых учениях о *Филиокве* и о чистилище, которые, как мы уже видели, полностью содержатся и в восточно-православном учении. Никакой «ереси», таким образом, нет и никогда не было. Ферраро-Флорентийские постановления приходится, стало быть, признать обязательными для всех христиан и в наши дни.*

*) См. Hefelé-Leclercq Histoire des Conciles VII. 2; 1916. p. p. 1019 et s. s.; Venance Grumel. Le Concile de Ferrare-Florence pour l'Union des Eglises (1438—1439) в журнале L'Union des Eglises № 22 (10 janvier — février 1927. p. p. 14—18) и 24 (10 mai-juin 1927, p. p. 267—274). Martin Jugie, Le Schisme Byzantin, Paris 1941. p. p. 262—270.

Свящ. кн. А. Волконский. КАТОЛИЧЕСТВО И СВЯЩЕННОЕ ПРЕДАНИЕ ВОСТОКА. Париж, 1934. Стр. 354—373.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В БЕЛЬГИИ:
«ЖИЗНЬ С БОГОМ»
32, Avenue de Gaulle,
Bruxelles.

В ГЕРМАНИИ:
«ВАРЯГ»
Christkönigshaus,
Leutesdorf am Rhein.